

Великий романист на переславской земле

Вторую сотню лет переславцы читают романы и повести Александра Дюма-отца. Нашего советского читателя Дюма привлекает к себе освежающим, бодрящим чувством жизни, благородством и мужеством своих героев. За последние годы в Советском Союзе неоднократно переиздавались его произведения, и они не залеживаются на полках магазинов и библиотек.

Общеизвестно путешествие Дюма по России в 1858—59 гг. Но вряд ли кто из переславцев знает, что знаменитый романист не только бывал, но и жил в Переславском крае.

Раскроем малоизвестные документы, хранящиеся в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции, заглянем в письма, недавно обнаруженные в Париже, перелистаем пожелтевшие листы старых французских журналов и не переведённых на русский язык сочинений Дюма. Они расскажут нам, как писатель гостил на переславской земле.

По прибытии в Петербург Дюма написал своим московским знакомым камергеру Д. П. Нарышкину, его жене Ж. П. Нарышкиной — бывшей актрисе Женни Фалькон:

«Дорогие друзья. Я приехал и обнимаю вас. Женни я прижимаю к своему сердцу справа, Нарышкина слева. Ваш Дюма». Вскоре он появился у них, и 7 сентября 1858 года вместе они отправились в Переславль-Залесский, в имение Нарышкиных, село Елпатьево.

Вместе с ними в имение прибыл известный художник Жан-Пьер Муане. Его рисунки, сделанные во время путешествия с Дюма по России, имели большой успех на парижских выставках. К сожалению, пока не удалось обнаружить изображений нашего края, хотя часть русских рисунков художника есть в музее имени Пушкина в Москве.

В журнале «Монте-Кристо» № 32 за 1858 год Дюма писал, что причиной поездки в Елпатьево было «желание увидеть там жизнь русских помещиков и русских крестьян».

А каким было Елпатьево 105 лет тому назад?

Владелец села Д. П. Нарышкин имел около 1 600 десятин земли, из которых 300 приходилось на усадьбу с огромным парком. Там стояли большие жилые и служебные помещения и собственно село. В нём проживало 145 крепостных крестьян. Они ютились в 29 избах, топившихся в большинстве по-чёрному. В 1960 году экспедиция Переславль-Залесского историко-художественного музея получила от бывшей горничной Ж. П. Нарышкиной Александры Евграфовны Стариковой альбом с 91 фотографией имения, села, отдельных построек, полевых работ, которые снимались между 1868 и 1890 гг. Снимки дают представление о барской усадьбе и селе, какими их мог видеть Дюма.

В Елпатьеве писателя окружали непрерывные увеселения, пикники, рыбная ловля на Нерли, охота, отвлекавшие его от познания тяжёлой рабской жизни русских крестьян, их быта, крепостного труда.

Пребывание Дюма в Елпатьеве окончилось 6 октября. Из Елпатьева он поехал в Калязин, а оттуда пароходом вниз по Волге.

Восторженные приёмы, обеды, банкеты встречали Дюма повсюду — и в столицах, и в провинции. Ему открылся доступ в высшее общество, ему было дано право путешествовать по всей стране без ограничений. И писатель воспользовался этим, уверенный, что он увидел и изучил подлинную Россию.

Но это ему только казалось.

Не успел Дюма оглянуться по приезде в Россию, как 18 июля шеф жандармов князь В. А. Долгоруков разослал секретные предписания по разным городам империи: «Известный французский писатель Александр Дюма-отец, прибыв в недавнее время из Парижа в С-Петербург, намерен посетить и внутренние губернии. Уведомляя о сём... предлагаю вам, во время

пребывания А. Дюма в... приказать учредить за действиями его секретное наблюдение и о том, что замечено будет, донести мне в своё время».

Как это предписание выполнялось во время пребывания Дюма на переславской земле, красноречиво рассказал жандармский полковник Сивериков: «Для удобнейшего надзора и во избежание излишнего и, может, неуместного столкновения с другими лицами или жителями, ежели и случалось, что г. Дюма бывал в *другом* обществе, то никогда иначе, как в сопровождении чиновника или полиции, и всё это устраивалось весьма благовидно под видом гостеприимства и оказываемого внимания».

Может быть, именно поэтому в своих «Впечатлениях о путешествии в Россию» (том 2-й), не переведённых на русский язык, Дюма так ничего и не написал об елпатьевских крестьянах, посвятив страницы лишь перечислению тех удовольствий, которыми его окружил Нарышкин.